

З. Самашев^{1*} , А.К. Айткали² , Р.С. Жуматаев¹

¹Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

² Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Казахстан, г. Нур-Султан

*e-mail: archaeology_kz@mail.ru

ОБРАЗ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ЗВЕРЯ В ИСКУССТВЕ И МИФОЛОГИИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

В статье рассматриваются материалы кургана древнетюркского времени из Елеке сазы. Археологические исследования последних лет, произведенные в долине, позволили определить раннесредневековый пласт среди прочих. Добытые в ходе изучения погребальных и поминальных комплексов материалы расширили круг памятников раннего средневековья, пополнилась коллекция материальной культуры, отражающая самобытную культуру насельников этой территории. Раскопанные памятники позволили поставить вопрос о расселении на территории Тарбагатай древних тюрков. Охарактеризована топографическая особенность расположения курганной группы, где расположен объект исследования. Приводятся археологические данные о конструктивных свойствах кургана, анализируется вещевой комплекс и обряд погребения. Даны результаты анализа костных останков девочки, погребенной в могильной яме под каменной стенкой четырехугольной ограды. Особое внимание уделено творению изобразительного искусства в виде фигурки крылатого фантастического зверя из захоронения. Предмет был намеренно поврежден при проведении обряда погребения, что соответствовало религиозно-мифологическим представлениям общества. Анализ морфологии, иконографии и смысловой нагрузки артефакта позволил сделать вывод, что данный предмет скорее всего наделялся определенными сакральными свойствами и служил для погребенной оберегом. Кроме того, даны результаты анализа состава некоторых находок.

Ключевые слова: археология, древнетюркская культура, Восточный Казахстан, Тарбагатайский район, долина Елеке сазы, курган, образ фантастического зверя.

Z. Samashev^{1*}, A.K. Aitkali², R.S. Zhumatayev¹

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

² Institute of Archeology. A. Kh. Margulan, Kazakhstan, Nur-Sultan

*e-mail: archaeology_kz@mail.ru

The image of a fantastic beast in the art and mythology of the ancient Turks

The article deals with the materials of the ancient Turkic burial mound from Eleke Sazy. Archaeological research in recent years, carried out in the valley, allowed us to determine the early medieval layer among others. The materials obtained during the study of funerary and memorial complexes have expanded the range of monuments of the early Middle Ages, the collection of material culture reflecting the original culture of the inhabitants of this territory has been replenished. The excavated monuments made it possible to raise the question of the settlement of ancient Turks on the territory of Tarbagatai. The topographical feature of the location of the kurgan group, where the object of study is located, is characterized. Archaeological data on the constructive properties of the mound are given, the clothing complex and the burial rite are analyzed. The results of the analysis of the skeletal remains of a girl buried in a gravel pit under the stone wall of a quadrangular fence are given. Special attention is paid to the creation of fine art in the form of a figurine of a winged fantastic beast from a burial. The object was intentionally damaged during the burial ceremony, which corresponded to the religious and mythological ideas of society. Analysis of the morphology, iconography and semantic load of the artifact allowed us to conclude that this object was most likely endowed with certain sacred properties and served as a talisman for the buried. In addition, the results of the analysis of the composition of some finds are given.

Key words: archeology, ancient Turkic culture, East Kazakhstan, Tarbagatai region, Eleke Sazyvalley, kurgan, the image of a fantastic beast.

З. Самашев^{1*}, А.Қ. Айтқали², Р.С. Жұматаев¹

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.

*e-mail: archaeology_kz@mail.ru

Ежелгі түркілердің өнері мен мифологиясындағы фантастикалық аң бейнесі

Мақалада көне түркі дәуірінің Елеке сазы қорғанының материалдары қарастырылады. Алқапта жүргізілген соңғы жылдардағы археологиялық зерттеулер басқа кезеңдермен қатар ерте ортағасырлық қабатты анықтауға мүмкіндік берді. Жерлеу және еске алу кешендерін зерттеу барысында анықталған материалдар ерте ортағасырлық ескерткіштер шеңберін кеңейтті, осы аумақтың тұрғындарының өзіндік мәдениетін көрсететін материалдық мәдениет коллекциясы толықтырылды. Зерттелген ескерткіштер ежелгі түркілердің Тарбағатай аймағына қоныстануы жайлы жаңа мәліметтер берді. Бұдан басқа, зерттеу нысаны орналасқан ескерткіштер тобының топографиялық ерекшелігі сипатталған. Қорғанның құрылымдық ерекшеліктерін сипаттайтын археологиялық деректер берілген, заттық кешені және жерлеу дәстүрі талданды. Төрт бұрышты қоршаудың тас қабырғасының астындағы қабір шұңқырында көмілген қыздың сүйектерін зерттеу нәтижелері берілді. Қабір шұңқырында табылған бейнелеу өнерінің туындысы қанатты фантастикалық аңның фигурасына ерекше назар аударылды. Жерлеу рәсімі кезінде бұл өнер туындысының әдейі бүлінгені анықталып, бұл да ежелгі қоғамның діни және мифологиялық түсініктеріне сәйкес келдігі атап өтілді. Артефактінің морфологиясын, иконографиясын және семантикалық жүктмесін талдау арқылы бұл заттың тылсым қасиеттерге ие болғаны және жерленген адам үшін тұмар қызметін атқарғаны қорытындысын жасауға мүмкіндік берді. Сонымен қатар, кейбір металлдан жасалған олжалардың құрамын талдау нәтижелері ұсынылған.

Түйін сөздер: археология, ежелгі түркі мәдениеті, Шығыс Қазақстан, Тарбағатай ауданы, Елеке сазы алқабы, қорған, фантастикалық аң бейнесі.

Введение

В результате последних археологических исследований на территории долины Елеке сазы, в Тарбағатайском районе Восточно-Казахстанской области получены интересные материалы эпохи средневековья, включающие предметы быта, вооружения, произведения искусства. Последние дополняют наши представления о художественной культуре древних тюрков Тарбағатая. В работе особое внимание уделено оригинальной находке – фигурке полиморфного фантастического существа.

Как известно, вопросы связанные с изучением семантики древнетюркского искусства и реконструкцией мифо-ритуального комплекса ранних тюрков во второй половине I тыс. н.э. относятся к ряду дискуссионных. Как правило, исследование семантики древнетюркского искусства рассматривалось в рамках «магической» и «мифологической» концепций. Поиск истоков древнетюркского искусства, чаще всего, приводит к изобразительным памятникам предшествующего времени, в нашем случае, они связаны с пазырыкской культурой Алтайской горной системы.

Кроме того, на основе анализа предметов изобразительного искусства содержащие изображения мифических существ с памятников

синхронного времени, предоставляется возможность реконструировать некоторые аспекты мировоззренческой системы средневекового населения, проживавшего на территории Тарбағатайского района. Для сравнения нами привлечены предметы искусства из Верхнего Прииртышья, а также ряда других приграничных районов.

В процессе анализа и интерпретации материалов, использованы традиционные археологические методы изучения: картографирование, описание, метод аналогий, анализ структуры памятника, компоненты сравнительно-типологического анализа. Междисциплинарный подход реализован в использовании результатов исследования состава изделий.

Материалы и методы

В первой группе памятников Елеке сазы, расположенной на правом берегу р. Каргыба, примерно, в 150-200 метрах севернее каганского культово-поминального комплекса (рис. 1), находятся несколько каменных выкладок (координаты: 47° 20' 3.9''82° 8' 17''; 47.33441667 82.13805556). В 2020 году нами здесь исследована выкладка-ограда, где была найдена бронзовая фигурка полиморфного существа, к анализу которой посвящена данная работа. Прежде коротко охарактеризуем некоторые конструктив-

ные элементы наземного сооружения данного памятника.

Первоначально, выкладка возвышалась над уровнем современной дневной поверхности на высоту около 0,3-0,4 м и по периметру была задернована. На дневной поверхности четко была видна каменная выкладка с округлым развалом, но при этом просматривалось общее прямоугольное очертание сооружения, возведенное из речных камней и плит, а также крупных блоков. В центре наземного сооружения виднелась небольшая грабительская яма.

Памятник представлял собой овальную в плане каменную выкладку, в разрезе уплощенной формы, размерами по направлению В-З – 13,5 м, С-Ю – 14 м (рис. 2-3).

После удаления камней развала, зафиксирована каменная конструкция в виде ограды подпрямоугольной формы. Ограда сложена из крупных плит и ориентирована углами по сторонам света с небольшими отклонениями к СЗ и ЮВ, размерами – 10x10 м. Внутренне пространство указанной ограды, как показали разрезы, было заполнено двумя-тремя слоями речных и колотых камней.

В рассматриваемое сооружение на некоторых отрезках были встроены дополнительные конструктивные элементы. Так, в северо-восточной стене зафиксированы две вертикально поставленные плиты, размерами 60 x 30 x 10 см. В юго-восточной стене оградки зафиксирован разрыв или «вход» шириной – 0,5 м, обозначенный из более крупных валунов. Во внутренней площади ограды не зафиксированы следы захоронения.

В то же время, на стыке СВ и ЮВ стенок ограды, были выявлены нечеткие контуры могильной ямы овальной формы, размерами 1,8 x 1,3 м, ориентированная длинной осью по направлению СЗ-ЮВ.

Вероятно, первоначально выкладка-ограда возводилась как поминальное сооружение, широко распространенное в древнетюркскую эпоху. В то же время, устройство погребальной камеры практически вне каменной ограды, на периферийном участке, может указывать на более позднее время возникновения захоронения.

Могильная яма оказалась сильно разграбленной, на разных ее участках, начиная с отметки 0,5 м от дневной поверхности, были зафиксированы разрозненные кости девочки и животного вперемежку (рис. 5). По мнению генетиков, у девочки митохондриальная гаплогруппа типич-

на для Восточной и Центральной Азии. Полученный образец показал европейский (48%) и сибирский (52%) генетический субстрат (итоговый отчет, 2020: 846-850).

В северо-западном углу могильной ямы, лежал раздавленный горшковидный глиняный сосуд с округлым туловом и слегка отогнутым наружу коротким венчиком (рис.4). По основанию шейки и по венчику нанесен орнамент в виде жемчуг и косых насечек. Обжиг сосуда неравномерный, костровый, изготовлен способом ручной лепки из неплотного теста с примесью шамота, черепок в изломе темного цвета. Наружная поверхность – серовато-черная, грубо заглажена и неровная.

Керамическую посуду из кургана, по форме и орнаменту, можно отнести к кругу кимакских. Близкая аналогия Елеке сазинскому сосуду известна в материалах раннесредневековых курганов могильника у с. Боброво Павлодарской области РК (раскопки Ф.Х. Арслановой). Сопровождающий инвентарь захоронений представлен оружием, орудиями труда, фрагментами шелковой одежды, украшениями и конской амуницией. Однако в предметном комплексе основное место занимает глиняная посуда. Так, в кургане №13 в погребении с трупосожжением найдено 7 разнотипных сосудов, один из них идентичен по форме и орнаменту нашему сосуду (Арсланова, 1980: 83).

Следует подчеркнуть, аналогичные близкие по размерам, форме и орнаментальным мотивам круглодонные горшковидные сосуды широко распространены в раннесредневековых комплексах Омского Прииртышья, Приобья, Пришимья и в Южном Урале. Схожесть стиля и орнамента объясняется исследователями включением населения северных лесостепных районов в состав кимакского объединения, либо обратным культурным воздействием степных Прииртышских племен.

Итак, найденный здесь глиняный сосуд дает возможность представить уровень развития гончарного производства и степень использования глиняной посуды в быту средневекового населения региона. Горшкообразный сосуд с орнаментом в виде жемчужин по горловине и косых насечек на венчике, вероятно, использовался в качестве тарной посуды.

В ходе углубления на уровне 0,55 м от поверхности, у ЮЗ части могилы, среди разрозненных костей девочки, обнаружены две раковины каури и, как упоминалось выше, фигурка фантастического крылатого существа (рис.5).

Касаемо датировки исследованного объекта, на данный момент мы располагаем калиброванными результатами анализа C-14, полученными в центре физических и технологических наук Государственного научно – исследовательского института Литвы, в г. Вильнюс. Таким образом, памятник, с большой долей вероятности, может быть датирован в пределах второй половины 8 в. н.э. – конец 9 в. н.э.

Результаты и обсуждение

Подробнее охарактеризуем находку фантастического зверя из Елеке сазы. Металлическое изделие отливало односторонним способом. Размеры фигуры: корпус от верхнего края крыла – 2,3 см, ширина туловища до обломанного крыла – 1,3 см, длина от макушки до лап – 2,9 см, голова – 1,1 см.

В верхней части фигурки имеется неровное сквозное отверстие для подвешивания диаметром 0,3 x 0,4 см. Контуры фигурки тщательно сглажены и, судя по указанному отверстию, предмет служил амулетом-оберегом для девочки еще при жизни. Возможен и второй вариант, при котором, предмет был положен в могилу в процессе проведения обряда перехода.

По-видимому, данная вещь, воспринималась в древнетюркском социуме, как сакральная, наделенная определенными магическими свойствами и, соответственно, с особой смысловой нагрузкой. Ее носили на теле не как простое украшение (Щапова, Лихтер, Сарачева, Столярова, 2007: 4), которое имеет конкретную эстетическую функцию, а как магическое средство защиты, предотвращающее опасные для жизни подростка воздействия зловредных сил. С точки зрения семиотического статуса (Байбурин, 1981: 215-218) ее можно квалифицировать, как вещь с универсальной характеристикой, а также рассматривать как произведение художественной культуры изучаемого времени.

Хвост (или не только хвост?) фигуры фантастического зверя был отломан, судя по патине излома, еще при проведении обряда погребения, что, естественно, соответствовало религиозно-мифологическим представлениям социума о инобытии (Казанцева, 2018: 114) и нормам погребально-поминальной обрядности. Анализ рентгенофлуоресцентным спектрометром показал, что в составе фигурки преобладает медь, олово и т.д.

Обнаружение преднамеренно испорченных предметов в разновременных погребениях – до-

вольно частое явление. Из огромного количества примеров укажем на бронзовый кинжал раннесакского времени из кургана № 4 Елеке сазы-II с преднамеренно сломанной рукоятью (Самашев, 2019: 51).

При этом возникает вопрос, что у нашей фигуры отсутствует только верхняя часть хвоста или вторая половина целиком с задними ногами и хвостом? В зависимости от выяснения того, как выглядело скульптурное изображение существа в реальности, может быть правильно истолкована семантика образа полиморфного существа.

Изучение следов излома на грани изделия показали, что более предпочтительным для реконструкции является версия о том, что у зооморфной фигуры отломан лишь хвост. Поэтому дальнейшие наши рассуждения будут строиться преимущественно, на этой версии.

Морфологически у изображенной фигуры зверя можно выделить пять (или шесть?) структурных элементов – голова с ухом, шея, крыло, хвост, тело и ноги. Но, при этом голова с шеей составляют, как бы единый верхне-горизонтальный блок, а туловище с крылом, хвостом и ногами – другую, вертикально организованную зону. Ноги, как бы отделены от «птичьего» туловища, поэтому их можно рассматривать отдельно, как самостоятельный блок.

Блок: голова-шея. У зверя массивная, с подпрямоугольным очертанием голова показана в вертикальном (?) положении, что усиливает ощущение тяжести, некой внутренней силы и мощь, заложенные в образ фантастического зверя. Лобовая часть прямая, макушка слегка приподнята, нижняя часть закруглена. Овально-вытянутое и прижатое назад к затылку под углом ухо, с ушной раковиной, четко отделено от шеи глубокой прорезью-бороздкой, что придает образу изображенного зверя особую выразительность, подчеркивая его природную, агрессивную-хищническую сущность. Такое восприятие изображения зверя усиливается и трактовкой его глаза, в виде большой миндалевидной выпуклости внутри овального углубления, в нижней части которого обозначен слезник. Ноздря зверя оформлена в виде традиционного завитка на фоне углубления. Морда, в отличие от собачьего или волчьего хищника, плавно закруглена. Создается впечатление, что у существа изображен длинный язык в открытой пасти, как у драконьих существ, нежели как у мифического существа шицза (Король, 2013: 29-30). Кроме этого, нам видны не отчетливые контуры передних клыков

(?) хищника. Полуовальными углублениями выделены изящные изгибы нижней челюсти.

Шея существа короткая массивная, с небольшим изгибом, четко отделена глубокой бороздкой (это не «галстук», как у сэнмурва) от туловища. По верхней линии шеи просматриваются два небольших выступа. Несколькими короткими и слабо выраженными «лучеобразными» линиями, отходящими от отверстия на шее обозначены, видимо, пряди полиморфного существа. Таким образом, данный условно выделенный нами блок элементов больше связан с природой и сущностью хищного (барсо-тигро-льво подобного) зверя.

Блок: туловище, крыло, хвост. Выпуклая или «выпяченная» «птичья» грудь, плавно изогнутая линия живота, слегка выступающее тело синкретического существа, в сочетании с птичьим крылом, с посадкой изогнутой шеи и другими элементами, формально напоминают подобные элементы канонической фигуры сэнмурва, представленного, например, изображением на сасанидской шелковой ткани VI-VIII вв. из Лондонского музея Виктории и Альберта (Иерусалимская, 1972).

Об образе сэнмурва написано очень много, поэтому здесь нет необходимости останавливаться на этом вопросе. Относительно восприятия изображения такого облика сэнмурва А.Е. Бертельс писал: «При всем «зоологическом абсурде» это изображение фантастического существа воспринимается с какой-то жуткой убедительностью. Охваченное inferнальной злобой, оскалив пасть, вытаращив глаза, вытянув вперед лапы, выпустив когти, оно устремилось за добычей. Все это мало сочетается с образом благого сэнмурва, восседающего на «Древе всех семян» зороастрийских текстов» (Бертельс, 1997: 174).

По некоторым иконографическим признакам, найденная в Елеке сазы бронзовая фигурка, напоминает известного в искусстве и мифологии средневековья, полиморфного персонажа – ирано-сасанидского сэнмурва, восточного дракона или грифона (Тревер, 1937; Демаков, Фоменко, 1998: 393-405; Король, 2013: 26-36 и др.).

Представляет интерес и другая находка синхронного времени, с территории Восточного Казахстана. Здесь, в 1954 году в кургане 10 могильника Пчела, обнаружена серебряная фигурка фантастического зверя (Черников, 1954: 13-14).

Она изображает в профиль крылатого хищника, сидящего, в естественной для него позе – на двух задних ногах и, соответственно, с выпяченной грудью и вертикально показанными

передними ногами (от одной из них сохранилось лишь основание). Изделие прочно крепилось тремя шпеньками к ремню. Анализ рентгенофлуоресцентным спектрометром показал, что в составе данного изделия превалирует серебро, затем медь.

Грива у фигуры мифического существа обозначена в виде отходящих назад от линии головы, прядей, концы некоторых из них закручены в спираль. Перья узкого крыла, напротив, обозначены как спирали, направленные вниз. Корпус имел треугольное очертание, в настоящее время его верхняя часть сломана. Короткий и пушистый хвост обозначен в виде крючка и направлен вверх. Небольшим кругом обозначен глаз, над которым изображена дугообразная полоска. Слегка заостренные уши торчат вверх (рис. 6).

Бросающиеся сразу в глаза технико-технологические особенности данного изделия – двойная линия в очертании передней части головы зверя, двойные уши и некоторые другие детали будто бы свидетельствуют о попытке внесения изменений в готовую фигуру путем дополнительной чеканки. По-видимому, тем самым изготовитель вторично пытался переосмыслить изначально заложенную в нее смысловую нагрузку. Однако, полного преобразования и создание нового трансформированного образа не наблюдается. На поверхности фигуры выделяются, скорее всего, нанесенные позже дополнительные линии вокруг головы, на корпусе, на задней ноге и две параллельные дугообразные бороздки, соединяющие основание короткого крючкообразно-пушистого хвоста с линией живота, возможно, неудачная попытка показа, зажатого задними ногами хвоста. Такая манера показа, пропущенного через задние ноги хвоста, иногда с пушистой кистью наблюдается у монументальных аналогов декоративных фигур – каменных скульптур «льво» – собако-подобных существ – хранителей покоев и их изображений на стенах поминальных ящиков, которые происходят из ряда каганско-княжеских комплексов – барыков Северной Монголии (Самашев, Цэвэндорж, Онгарулы, Чотбаев, 2016: 246-247, 249), где устанавливались как хранители покоев – шицза (Король, 2013: 29).

По иконографии, особенно, по содержанию образа Елеке сазинский образец существенно отличается от «классического» сэнмурва сасанидско-согдийского круга и несет иное содержание, иную природу. Возможно, смысловая нагрузка была связана с культурной традицией

саяно-алтайского, шире – центральноазиатским кругом памятников.

У фигурки голова не вытянутой формы, морда закругленная, без шишки на кончике, пасть не оскалена, ноги не выброшены вперед как часто бывает, ухо не заостренное, не направлено вверх.

Две вертикально показанные ноги с лапами (одна с четырьмя когтями), в сочетании с изображением крыла усиливают летающую, «небесно-космическую» природу фантастического существа. Таким образом, подчеркнут «зоологический абсурд», как удачно подмечено в вышеприведенной цитате, касательно соединения разнообразных образов в единый.

Известные на сегодняшний день находки фантастических зверей, которые происходят из раннесредневековых памятников Алтая, Сибири и ряда прилегающих к ним территории имеют существенные различия от канонического изображения сасанидско-зороастрийского сэзмурва. По-видимому, переработка происходила путем замены иноземных образов здешними в соответствии с местными верованиями и традициями.

Рассматриваемые особенности изображения фигуры из Елеке сазы, позволяют предполагать, что более перспективным является поиск истоков данного феномена в недрах пазырыкской культуры раннего железного века, в художественной культуре и мифологии, где особое место принадлежит образу грифоноподобного существа (Самашев, 2011). Моделировка головы Елеке сазинской скульптурки, например, близко напоминают трактовку головы некоторых грифонов пазырыкского времени (IV-III вв. до н.э.), изображенных на предметах конского снаряжения из берельских курганов (рис. 7).

Исследователями, посредством изучения системы зооморфных образов, на примере головных уборов пазырыкцев, был представлен срез картины мира древних насельников Алтайской горной системы. В результате анализа изображений, выделена трехчастная «модель мира», где отдельные виды животных маркировали верхний, средний и нижний миры. Вызывает интерес и то, что хищники (грифон, волк, барс) частенько помещались на оружии, конском убранстве и соотносились с нижним миром. Популярный фантастический персонаж пазырыкского искусства – грифон, трактуется как «животное-погребатель» иранской эсхатологической концепции и зороастрийской обрядности. Обращаясь к кон-

тексту елекесазинского фантастического существа не трудно заметить их связь, продолжение развития этой идеи на протяжении второй половины I тыс. н.э.

Расширенная трактовка фантастических образов пазырыкского искусства в русле изучения религиозной системы ранних кочевников Центральной Азии дана в работе многих исследователей (Сорокин, 1978; Тишкин, Дашковский, 2001). Однако, как нам кажется, одно из самых удачных, отражающее действительное содержание пазырыкского искусства, мнение, высказал М.И. Артамонов, он полагал: «...изображения животных и птиц, включая сюда и фантастические существа, играли роль оберегов, апотропеев и воплощали в себе добрые и злые космические силы, ... влиявшие на судьбу человека как при жизни, так и в загробном мире.» Из этого следует, что главная функция предметов с изображением фантастических персонажей – магическая, наделять предмет качествами зверей, способных помочь человеку. В результате соединения несоединимых в живой природе компонентов (полезных частей), олицетворяющие различные отдельные качества живых существ, в соответствии с так называемой парциальной магией, получались «сверхмощные» или «сверхсинтетические» собирательные зооморфные образы (Черемисин, 2007: 89-90).

Заключение

Вполне вероятно, что такие миниатюрные копии монументальных скульптур полиморфных существ древнетюркской эпохи, которые прикреплялись к ремням конского снаряжения или на пояс, несли ту же семантическую нагрузку, что и апотропеи-амулеты – очищение от зловредных сил и защита от враждебных действий. Исходя из вышеизложенного следует говорить о магической составляющей религиозно-мифологической картины мира древних тюрков. Эти представления могли сформироваться задолго до сложения тюркских государств, в период ранних кочевников и в дальнейшем могли послужить основой для сложения мифоритуального комплекса средневековых и современных тюркоязычных народов.

Работа выполнена в рамках проекта: АР09260487 «Древнетюркский культурный комплекс Восточного Казахстана: истоки и трансформация»

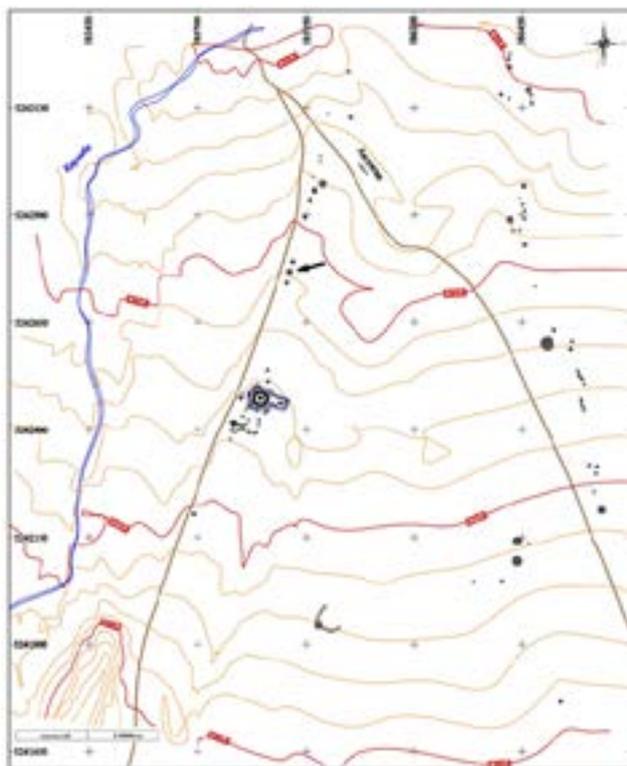

Рисунок 1 – План первой группы памятников Елеке сазы.

Рисунок 2 – Общий вид каменной выкладки до раскопа и после полного удаления дерна.

Рисунок 3 – Вид каменной ограды и могильной ямы

Рисунок 4 – Глиняный сосуд из погребения

Рисунок 5 – Елеке сазы. Фигурка полиморфного существа. Лицевая и оборотная стороны.

Рисунок 6 – Могильник Пчела. Фигурка «собаки»

Рисунок 7 – Некрополь Берел. Фигуры фантастических «грифонов»

Литература

- Арсланова Ф.Х. (1980). Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья. Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука. С. 79–104.
- Байбурун А.К. (1997). Семiotический статус вещей и мифология. Сборник Музея антропологии и этнографии. XXXVII. Материальная культура и мифология. Л., 1981
- Бертельс А.Е. (1997). Художественный образ в искусстве Ирана IX-XV веков (Слово, изображение). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Демаков А.А., Фоменко Д.А. (1998). К проблеме идентификации сэнмурва. Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э (вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической конференции. Самара. С. 393-405.
- Иерусалимская А.А. (1972). Новая находка так называемого сасанидского шёлка с сенмурвами. Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXIV, с. 11-15.
- Казанцева О. А. (2018). Порча вещей в погребальном обряде населения середины I тыс. н.э (по материалам могильников бассейна р. Тулвы). Ежегодник финно-угорских исследований, № 3, с. 108-118.
- Король Г.Г. (2013). Фантастические животные в декоре средневекового художественного металла Саяно-Алтая. Российская археология, № 3, с. 26-36.
- Самашев З. (2011). Берел. Алматы: Таймас.
- Самашев З. (2019). К вопросу о формировании раннесакского культурного комплекса в Восточном Казахстане. *Turkic Studies Journal*, №1, с. 37-60.
- Самашев З., Цзвэндорж Д., Онгар А., Чотбаев А. (2016). Древнетюркский культово-поминальный комплекс Шивээт Улаан. Астана: Из-во Филиала Ин-та археологии.
- Сорокин С.С. (1978). Отражение мировоззрения ранних кочевников Алтая в памятниках материальной культуры. Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. (2003). Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. гос. университета.
- Тревер К. В. (1937). Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л.: Государственный Эрмитаж.
- Черемисин Д.В. (2007). К дискуссии о семантике искусства звериного стиля и реконструкции мировоззрения носителей пазырыкской культуры. Археология, этнография и антропология Евразии, № 3 (31), с. 87-102.
- Черников С.С. (1954). Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции ИИМК АН СССР. ВКОМ КН НВ 8П – 6109. 30 с.
- Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столjarова Е.К. (2007). Морфология украшений. Морфология древностей. Выпуск 4. М.: КДУ.
- Итоговый отчет за 2020 год о полевых и камеральных работах по «Программе развития научно-исследовательских работ в сфере археологии в ВКО на 2019-2021 годы». (2020). / Управление культуры, архивов и документации Акимата Восточно-Казахстанской области КГКП «Областной историко-краеведческий музей». Усть-Каменогорск, 851 с.

References

- Arslanova F.H. (1980). Keramika rannesrednevekovykh kurganov Kazahstanskogo Priirtyshia. [Ceramics of the Early Medieval Mounds of the Kazakhstan Irtysh Region]. *Srednevekovye drevnosti evrazijskikh stepej*. M.: Nauka. S. 79–104.
- Baiburin A.K. (1997). Semioticheskij status veshhej i mifologija. [Semiotic status of things and mythology]. *Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii*. XXXVII. Materialnaya kultura i mifologija. L., 1981
- Bertels A.E. (1997). Hudozhestvennyj obraz v iskusstve Irana IX-XV vekov (Slovo, izobrazhenie). [Artistic Image in Iranian Art of the 9th-15th Centuries (Word, Image)]. M.: Izdatelskaja firma «Vostochnaja literatura» RAN.
- Demakov A.A., Fomenko D.A. (1998). K probleme identifikacii sjenmurva. [On the problem of senmurv identification]. *Kultury Evrazijskikh stepej vtoroi poloviny I tysyacheletija n.e (voprosy hronologii): Materialy II Mezhdunarodnoi arheologicheskoi konferencii*. Samara. S. 393-405.
- Iyerusalimskaya A.A. (1972). Novaya nakhodka tak nazyvayemogo sasanidskogo sholka s senmurvami. [A new find of the so-called Sasanian silk with Senmurvs]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vyp. XXXIV, s. 11-15.
- Kazanceva O. A. (2018). Porcha veshhej v pogrebalnom obrjade naselenija serediny I tys. n.e (po materialam mogilnikov basseina r. Tulvy). [Damage to things in the funeral rite of the population of the middle of the 1st millennium AD (based on materials from the burial grounds of the Tulva river basin)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniij*, № 3, s. 108-118.
- Korol G.G. (2013). Fantasticheskie zhivotnye v dekore srednevekovogo hudozhestvennogo metalla Sajano-Altaja. [Fantastic animals in the decor of the medieval artistic metal of the Sayano-Altai]. *Rossiiskaya arheologija*, № 3, s. 26-36.
- Samashev Z. (2011). Berel. [Berel]. Алматы: Taimas.
- Samashev Z. (2019). K voprosu o formirovanii rannesakskogo kulturnogo kompleksa v Vostochnom Kazahstane. [On the issue of the formation of the early Saka cultural complex in Eastern Kazakhstan]. *Turkic Studies Journal*, №1, s. 37-60.
- Samashev Z., Cjevendorzh D., Ongar A., Chotbaev A. (2016). Drevnetjurkskij kultovo-pominalnyi kompleks Shivjejet ulaan. [Ancient Turkic cult-memorial complex Shiveet Ulaan]. Астана: Изд-во Филиала Ин-та археологии.
- Sorokin S.S. (1978). Otrazhenie mirovozzreniya rannih kochevnikov Altaja v pamyatnikah materialnoj kultury. [Reflection of the worldview of the early nomads of Altai in the monuments]. *Kultura Vostoka. Drevnost i rannee srednevekovije*. L.: Avrora.
- Tishkin A.A., Dashkovskij P.K. (2003). Socialnaya struktura i sistema mirovozzrenij naseleniya Altaja skifskoj epohi. [Social structure and system of worldviews of the population of Altai in the Scythian era]. Барнаул: Изд-во Алт. гос. университета.
- Trever K. V. (1937). Sinmurv-Paskudz, sobaka-ptitsa. [Sanmurve-Pascuj, bird dog]. L.: Gosudarstvennyj Yermitez.
- Cheremisin D.V. (2007). K diskussii o semantike iskusstva zverinogo stilya i rekonstrukcii mirovozzreniya nositelej pazyrykskoi kultury. [Towards a discussion about the semantics of the art of the animal style and the reconstruction of the worldview of the bearers of the Pazyryk culture]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, № 3 (31), s. 87-102
- Chernikov S.S. (1954). Otchet o rabote Vostochno-Kazahstanskoi jekspedicii IIMK AN SSSR. [Report on the work of the East-Kazakhstan Expedition of the IIMK Academy of Sciences of the USSR]. ВКОМ КН НВ 8П – 6109. 30 с.
- Shapova Ju.L., Lihter Ju.A., Saracheva T.G., Stoljarova E.K. (2007). Morfologija ukrashenij. Morfologija drevnostej. [Morphology of jewelry. Morphology of antiquities]. Выпуск 4. М.: КДУ.
- Itogovij otchet za 2020 god o polevyh i kameralnyh rabotah po «Programme razvitiya nauchno-issledovatel'skikh rabot v sfere arheologii v VKO na 2019-2021 gody». (2020). [Final report for 2020 on field and office work under the “Program for the development of research work in the field of archeology in the East Kazakhstan region for 2019-2021”. (2020)]. / Управление культуры, архивов и документации Акимата Восточно-Казахстанской области КГКП «Областной историко-краеведческий музей». Уст-Каменогорск, 851 с.